

**Пора вам знать: я тоже современник,
Я человек эпохи Москвошвея, –
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
Как я ступать и говорить умею!
Попробуйте меня от века оторвать, –
Ручаюсь вам – себе свернете шею!**

(Осип Мандельштам)

1

В моей квартире два окна. В одном из них жизнь кипит от рассвета до заката: ездят машины, ходят люди, бегают собаки. Стоят дома, которые и рады бы тоже куда-нибудь пойти, но строгая нумерация – четные слева, нечётные справа – навечно выстроила их в две шеренги по стойке «смирно». Впрочем, уставшие, они давно расслабились, ссутулились, уставились окнами в землю. В домах живут люди. Я их не знаю.

Во втором окне жизнь кипит круглосуточно: в нём, оплетенный всемирной паутиной, пойманный ею, барахтается весь мир. В это окно я смотрю, к сожалению, чаще. В это окно вливают разные люди – своими обезжизненными лицами, словами, приветами.

Но сегодня я закрыл окна.

Сегодня ко мне в гости пришёл настоящий живой человек, положил передо мной двухтомник своих стихов и сказал:

– Читай.

Я поглядел на книги, на человека, спросил:

– Может, хоть чаю?

Вдарили по чаю. Закурили. Зажгли свет на кухне, и я открыл первую страницу.

1965 год.

Что я знаю о тех временах? Что-то из курса истории, что-то из фильмов, телепередач, из рассказов родителей, из литературы. В общем, ничего. Сейчас же мне прямо таки развернули – не картину эпохи, не бытовые реалии, не исторические события – просто человека, живущего там. И я начал знаком-

ство с этим человеком и с его временем, потому что нельзя оторвать человека от его времени.

Каким же мне открылось время этого человека?

**«Мы романтики по Ремарку,
Поколение войн и слёз»**

Представляю: поколение, пришедшее в мир, изуродованный невозможным ужасом Второй Мировой Войны. Отпечаток этого зла не стирается, ведь он распространился с людей, творивших это зло, на само бытие:

**«И город, как военный госпиталь,
Когда становится теплей.
И вновь старухи шепчут: «Господи!..»,
Крестясь на культы тополей»**

И в этом мире герой моей книги (она ведь моя, пока я её читаю) ухватывает мгновения: мгновения любви, мгновения соприкосновения с миром – и фиксирует их в стихе. Тут и уютные домики с печкой, и новогодняя ночь, и разное другое. Завертелся калейдоскоп, и его сверкание завораживает.

**«Пусть будет каждому любовь
За все падения расплатой.
Пусть будет каждому распятые,
Чтоб понимать чужую боль»**

– провозглашает автор, утверждая: эта жизнь стоит того, чтобы с ней соприкоснуться, чтобы выстрадать её всю, чтобы ловить мгновения. В этих мгновениях и есть она – жизнь.

**«Вот и сейчас, предчувствуя финал,
Он этот миг, шутя, зарифмовал.
И этот слепок, через тыщу лет,
Найдёт другой какой-нибудь поэт»**

Ну что ж, я здесь. Я – поэт. Я жадно пью мгновения чужой жизни: близость возлюбленной, февральский вечер, минуты задумчивости, минуты, минуты, минуты, украденные у вечности мгновения. И если Архимед всё ещё ищет точку опоры, автор твёрдо знает, где она:

**«Алая, величиной с кулак,
Точка опоры пульсировала в Архимеде»**

И вот, наконец, ощущение себя в моменте выходит к ощущению себя в контексте. Об этом – стихотворение «Настоящее»:

**«Ну вот и наше поколение
По-настоящему
Погибает во Вьетнаме и в Праге,
У Берлинской стены и на Даманском –
Везде, где надо погибать»**

И

**«Мы по-настоящему
Открываем мир – открывая ответный огонь»**

Кто же эти мы? Это все: «Комсомольцы и хиппи, солдаты и фарцовщики, поэты и шизофреники, буддисты и наркоманы...» Ряд продолжается долго, и продолжать его можно бесконечно. Мы – это поколение, которое встало на ноги, и сейчас мы вместе открываем по миру огонь: воюем, получаем олимпийские медали и, конечно, пишем стихи. Мы – и есть настоящее.

В следующем стихотворении, «Реквием космонавтам», контекст расширяется. Теперь мы – это всё сущее, а жизнь отдельного человека – это целый космос, и включившаяся над кухонным столом лампочка – это сверхновая, а в утренней кофейной кружке способен утонуть Титаник. Настоящее, прошлое, будущее, своя собственная жизнь – и продолжение её, жизнь сына – всё сливается в единое целое, и вся бурлящая мощь этого целого выплёскивается всё в тех же мгновениях, вся жизнь – в одном моменте. В моменте, где сильные руки направляют плот сквозь водовороты – жизнь человека, в моменте, где отрывается от земли летательный аппарат, который доставит человека в космос (ведь это ещё шестидесятые, воспоминание о первом полёте ещё близко, вот оно, здесь, можно потрогать) – жизнь всего человечества. Что, впрочем, одно и то же. И последний отсчёт:

**«Содрогающийся пульс Байконура: 7..... 6..... 5.....
Ведь это моё сердцебиение
Перекликается с сердцебиением Космоса!»**

И личная жизнь, и смешавшиеся в водоворот прошлое и настоящее, своя и чужая жизнь, и воспоминания, и мгновение, и:

«1

И хлынувший свет неожиданных звезд!»

Входит в контекст и культура, рассыпается бисером Германа Гессе; и пепельница напоминает отрезанное ухо Ван Гога, а за окном – Чукотка. Такой настоящий, такой живой мир, и теперь я путешествую по нему вместе с рассказчиком.

И в этом мире есть место той самой, возлюбленной, ей, но всё неоднозначно. Она говорит:

«Милый, я в тебя верю!» - и герой чувствует твердь, и это опора, и верное плечо, и та самая, которая развесит на веревках дождь, вымоет окна и из ничего смастерит обед, но в то же время рвётся из главного героя: «Да перестань же суетиться, как ты надоела!».

Переменчивость, течение жизни. То, что в один миг было важно, составляло весь мир, в другой – уже ничто.

Тема мгновений достигает апофеоза в стихотворении «От листьев».

Но теперь мгновений мало, ощущений мало, даже единства мало – автору нужно пробиться дальше, вглубь. Туда, где человек повторно рождается в своём отчаянии, где за отчаянием открываются радость и страх, а за границами радости и страха – ужасающее Ничто, но это Ничто бессильно перед таинственной мудростью жизни во всех её проявлениях.

И всё это – невыразимо, всё это умирает на губах, и отсюда стихотворение – привет Тютчеву. «Мысль изреченная есть ложь».

(Дальше – 2 и 3 части – долгий путь к Богу. Сначала его присутствие ощущается неясно, только смутно проступает за картинками бытия. Потом совершаем волнообразное движение по синусоиде:

Столкновение со страшным миром в стихотворении «Зона», духовная смерть и летаргический сон в сборнике «Божественное бездорожье», воскресение в сборнике «Милосердник», отказ от эгоцентризма и многосубъектность сборника «Ковчезек», обращение к исторической тематике, и поиск пути России, и выход к старым темам с совершенно новым подходом.)

2

Наступает период исканий. Вместе с героем мы едем в Москву, затем – в Ленинград, чтобы попытаться разгадать загадку Сфинкса, но Сфинкс хранит молчание. Путешествия не только географические, в первую очередь это – духовные искания, где попадают новые и новые камни преткновения:

***«Мы, кроме себя,
Никогда никому ничего не докажем».***

Вот что становится совершенно ясно: в этом мире мы не одни. Есть кто-то ещё, какая-то высшая сила, и воспоминание об этом хранится в глубинах наших душ, и все мы родом из... откуда?

***«И кажется, этот сентябрь – только отблеск
Сентября, где каждый ещё до рожденья бывал...
И мальчик заблудившийся, услышав оклик,
Долго смотрит в небо, не понимая: кто же позвал?»***

Герой ищет новых оснований, на которых сможет ощущать себя частью мира. В стихотворении «Завещание» он хочет слиться с миром, раствориться в нём:

**«Ни звезды, ни креста
Надо мной – ничего.
Ржавой тенью куста
Лишь придавит плечо».**

Ведь там, за всем этим миром, он прозревает Отчий Дом, куда нужно вернуться. Что-то, перекликающееся с хлебниковской Родиной.

Эта родина лучится, просвечивает сквозь мир, и оттого мир наполняется таинственным свечением, и в каждом водоёме – мудрая рыба хариус, и в каждой степи скачут облачённые в восточные одежды всадники. Мир предстаёт в глубоких синих тонах, как на картинах Рериха.

Часто ощущается взгляд Бога, мудрый взгляд, вззирающий на героя с неба. Но путь к нему предстоит долгий:

3

По синусоиде кардиограммы мы движемся вниз, проваливаясь в пучину мрачного мира.

Стихотворение «Зона».

В нём одна ночь концентрирует воспоминания о всей жизни. Герой вспоминает, как он пришёл в мир, как на танцплощадку, под свет софитов, чтобы прожить жизнь как танец под джаз. И в этом танце он соединяется с возлюбленной. Но идёт жизнь, ощущение танца теряется в повседневности, и приходится примерить «терновый венец быта», и здесь всё: пошлость свадьбы, неминуемость смерти, остроты друзей, речи родственников, пошлый круговорот поминок и помолвок, вся жизнь – пошла и провинциальна. И вот из этой пошлости рождаются те слова, которые всё рушат: «ты не нужна мне. Ты мне не нужен». Слова сказаны, ничего не вернуть, и раз за разом возвращается герой к этим словам, и слышит их в перестуке дождя, и снова и снова прокручивает свои воспоминания.

**«А мне...
Вдыхать прозрачные воспоминанья
И глубоко
Задерживать дыханье.
Прощай».**

И теперь, с началом сборника «Божественное бездорожье», вступает следующий мотив: герой не проживает свою жизнь. Несбывшиеся надежды, разрушенные мечты, захлопнувшаяся дверь, которой можно только «улыбнуться навзрыд» - об этом стихотворение «Песенка в пустой комнате»:

**«Я умер, а надо жить:
Песенки напевать,**

**С ласточками дружить
И умершего навещать.**

**И веселить друзей
Мне ещё предстоит,
И улыбаться ей
Улыбочками навзрыд».**

Жизнь проходит мимо героя.

**«В августеющей тьме
Вдруг сиротство почую.
Вот и дом на холме,
Да я в нём не ночую»**

В этот период воскресают светлые воспоминания из детства, способные оттенить пустоту жизни.

И в эти времена, когда «Холод человеческий был прозрачен до звёзд», герой начинает строительство своего моста, не зная пока, куда и зачем его строит, но свято веря:

**«Как только оттепель коснётся звёзд,
Понадобится птицам мост».**

Даже во мраке недобрых дней остаётся маяк призвания, отвращающий от небытия. Не зря была запасена когда-то, ближе к началу книги, стопка чистой бумаги.

И вдруг, словно из далёкого прошлого, повторно всплывает текст:

**«Пусть будет каждому любовь
За все падения расплатой.
Пусть будет каждому распятые,
Чтоб понимать чужую боль»**

Быстро листаю назад, перечитываю первый вариант, сравниваю со вторым. Второй – другой. Он взрослее, мудрее. Да и я смотрю на него совсем иными глазами, пройдя вместе с автором целый путь. Но это – лишь часть пути. Сейчас мы упиваемся, как прежде, восторгом мгновения: мы мчимся через праздничную панораму будничного зимнего города. Мы смотрим на мир и воскрешаем в нём чувство присутствия Истины. И через это приходит воскресение.

Стихотворение «Милосердник» открывает собой новый период. Оно наполнено образами весеннего пробуждения природы, и вместе с миром пробуждается герой:

**«Стертый со склона лавиной,
Снова я на ноги встал».**

Теперь герой смотрит на мир с восторгом, теперь мир одухотворен божественным смыслом:

**«Хоть взлетай на небеса,
Да пока не велено»**

Теперь, в поисках мудрости, автор обращается к исторической теме. Он определяет своё видение пути России как сына Божьего, в котором воедино слиты Восток и Запад, и эти противоречивые начала дополняют здесь друг друга, образуя тот самый таинственный Русский дух:

**«Левая рука – инок Пересвет.
Правая рука – бек Челубей.
В левой руке – материнский завет
В правой – силой миром владей».**

И теперь уже не родство со всем миром, теперь есть своё, бесконечно родное, бесконечно дорогое – Россия, которая противопоставляется чужбине. И главное, что есть у России – это Слово, причастность к которому ощущает автор. И здесь – два характерных посвящения. Первое – «перволюбимцу» русского Слова, Александру Сергеевичу Пушкину, второе – современнику, скончавшемуся за несколько лет до написания стихотворения. Ямщику, который – единственный – мог прямо: Владимиру Семеновичу Высоцкому.

И теперь, в сборнике «Ковчезек», описываемый мир сужается до пространства Алтая, и короткие стихотворения этого цикла воспевают самобытность, удивительность этой жизни через конкретные её проявления. Здесь в стихотворения вводятся имена собственные, топонимы, даты. Горные пейзажи, переданные короткими напевами. В самой структуре стиха, в языке, звучит голос народа, поэзия становится многосубъектной, и широко представляется диапазон народных характеров, как типических, так и исключительных.

4

Единство героя с миром теперь завязано на новых основаниях. Эти основания – знакомство с Богом. Образный ряд стихотворений часто строится на слиянии природных и религиозно-обрядных образов. Снег – покров, природа – храм. По существу, ощущения и умозаключения этого периода рифмуются со старыми: жизнь одного человека – это целый мир, целый космос, но всё раскрывается иначе. Через личное отношение открывается истинное значение человека, явления, предмета. Так, в стихотворении «Трёхлетие сына» любовь к сыну позволяет разглядеть в нём «смородинового царя», вернувшегося на Родину. И дальше, через взгляд сына, герой обретает обновленный, очищенный взгляд на мир.

**«А сын умывался водою смородиновой,
С ветерком-полотенцем кружился-дружил.
И называл Журавли своею Родиной:
«Родина... – это где я родился и долго-долго жил».**

А окружающая, родная природа, впитала в себя величие истории:

**«В поле, где листья клубники –
Алые, как с Куликова.
В поле, где копыта и пики
Злаков отточены снова».**

Тем не менее и сейчас ощущения двоятся. Природа – это храм, природа – это та самая Родина, но временами нападает прежнее ощущение неподлинности этой мирской жизни, как в стихотворении «выйду в поле, чтоб провильтаться...»:

**«И опять готов к разбою
Божий – блудный – сукин сын.
Шевелится под луною
Лёгкий прах его седин.**

**Всюду родина-чужбина...
Где он, отчий-волчий дом?»**

Но в то же время случаются и периоды твёрдой веры:

**«Деревце рая – птица-рябина.
Значит, всё правильно: здесь не чужбина.**

**Значит, всё правильно: здесь я родился,
Маму увидел, и сразу влюбился».**

Опять герой растворяется в любовании мгновениями, но уже, по большей части, это не мгновения собственной биографии, это мгновения жизни окружающего мира – в мелочах, в частности, как тающая сосулька, или залетевшие на чай осы, или закат над рекой – проступает что-то общее, какое-то единое знание, которое не назвать, не выразить.

И за всей жизнью, во всех её проявлениях, таится Великая Мудрость, и, прежде всего, в том, что жизнь конечна:

**«Когда б не смерть, что чистота листа?
Когда б не смерть... нелепая... не та.**

**Когда б не смерть, кто б от росы продрог?
Когда б не смерть, откуда слово «Бог»?»**

И человек, оказавшийся в этом мире, среди величия природы, не теряет своей значимости:

**«В государстве лесов и трав
Человек не теряет прав».**

И всё это – бесконечно мудро, и эта мудрость недоступна человеческому языку, пусть даже языку стихотворца, и отсюда – пробелы, стихотворения без единого слова.

И отсюда – противоречия, когда на одной странице – страдание, растворенное в мире настолько, что оно читается даже в глазах стрекозы, и дух радости, который утверждает, что умереть нельзя.

Человек укоренен в этом мире, он часть его, и, значит, должно у него быть своё дело, как и у общности людей, названной страной – должно быть своё. Снова автор обращается к историческим темам, но теперь через историю он пытается найти ключ к разгадке того, что творится сейчас. И мнится, что Россия утратила свой, от Бога завещанный, путь:

**«Ужель Царь-Колокол смолчит?
Ужель Царь-Пушка онемела?
Народ великий промычит –
И отвернется от Царь-Дела?»**

На дворе – девяностые, развалился СССР, названный в одном из стихотворений «красным гробом длиной в семьдесят лет», за окном – ужасная Чеченская война, осмыслить которую можно, лишь обратившись к истории, и появляется ужасающий вывод:

**«Я когда-то думал: русский народ – Христос,
И сейчас я вижу его – на кресте распятого».**

И тогда герой уходит в свою частную жизнь, запирается у себя на даче, под боком у дремотного бора. Наступает время спокойных размышлений, спокойной жизни с родными людьми, время беспрерывного писательского труда.

«А я – поэт почти с пелёнок.

**Почти фотограф. Мой удел –
Быть в стороне великих дел,**

**А это дело – в тишине
И без гостей – сподручней мне.**

**Хотя гостям мы тоже рады.
Но нет блаженнее награды**

**Встречать внезапные слова
И в печь подбрасывать дрова».**

Это время – чтобы вернуться к старым стихам и дописать их. А через дописывание старых стихов – прийти к подведению предварительных итогов пройденного пути. Это осознание себя через свою биографию, отразившееся в стихотворении «Я сам».

В этот период часто всплывают старые образы и темы, переосмысляются, дополняются, дописываются. Опять перед взором автора расстилается табунная степь, опять отправляется в космос Гагарин, и опять встаёт необходимость осознать роль человека в этой жизни через рефлексию пройденного пути в историческом контексте, и опять стучит в висках горькая мысль: человек – только полиэтиленовый пух, гоняемый ветром по степи. И вся промелькнувшая жизнь видится пухом, дымом, и входят в стихотворения старые знакомые, со своими именами, биографиями, и, оглядываясь, герой спрашивает: а где теперь они? Что от всего осталось? И вдруг – обрыв. Точку ставит стихотворение о позднем Пастернаке.

Что ж, одно четверостишие из Пастернака вполне могло бы стать эпиграфом ко всему двухтомнику:

**«Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти»**

Дата написания последнего стихотворения – 2015 год. Это ведь почти вчера. В это верится с трудом, это вызывает ощущение сюрреализма самой жизни.

Я закрываю книгу и оглядываюсь. За тем окном, что на улицу, шумит просыпающийся мир. Едут первые машины, перекрикиваются птицы. Гость ушёл, словно и не бывало. Впрочем, окурков в пепельнице оставлено столько, словно курили двое.

Я прожил сейчас чужую жизнь, и теперь она пульсирует во мне, постепенно растворяясь. И я знаю: человек, принесший мне двухтомник своих стихов, – совсем не тот, кто писал эти стихи. Этот – мой собственный, рождённый моим прочтением, и для автора он останется тем же загадочным иероглифом, которым всегда является для человека Другой.

Но сейчас – сейчас ещё живо ощущение чуда, ощущение, как в детстве, когда заглядывал в бездонную темень колодца. Я видел что-то, что не выразить. И теперь смотрю в свои два окна немного другим взглядом.

А за окнами – движется и бурлит моё собственное настоящее.

Настоящее,

Нас таящее.